

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Однажды в Карабихе (это было летом 1871 года), после нескольких дней напряженной работы Некрасов заглянул в дом, где жил Федор Алексеевич, и сказал:

- Пойдем в парк, под кедр, я буду вам читать "Русских женщин", я написал конец.

Все родные, кто был в это время в карабихской усадьбе, отправились в парк, и здесь поэт своим немного глухим голосом прочел вслух всю поэму. "Мы слушали с затаенным дыханием, - вспоминала об этом Наталья Павловна, жена Федора Алексеевича, - и не могли удержаться от слез. Когда он кончил и взглянул на своих слушателей, то по их взволнованным лицам и влажным глазам понял, какое сильное впечатление произвело на всех его произведение, и был счастлив. Он велел подать шампанское. Мы чокались, поздравляя его с блестящим окончанием многолетнего труда. Да, помню, это был день великого подъема, торжества и удовлетворения".

Как же пришел Некрасов к теме "Русских женщин", как работал он над поэмой, в которой хотел воспроизвести одну из славных страниц отечественной истории?

6 января 1827 года П. А. Вяземский писал из Москвы А. И. Тургеневу: "На днях видели мы здесь проезжающую далее Муравьеву-Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное обречение. Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории". Спустя тридцать лет тот же Вяземский писал о возвратившихся в Россию декабристах: "Ни в одном из них нет и тени раскаяния и сознания, что они затеяли дело безумное, не говоря уже преступное. Как говорили о французской эмиграции первой революции, и они ничего не забыли и ничему не научились. Они увековечились и окостенели в 14 декабря. Для них и после 30 лет не наступило еще 15 декабря, в которое могли бы они отрезвиться и опомниться". Годы, которые легли между этими письмами, унесли с собой умиление и восторги Вяземского, видевшего отъезд жен декабристов в далекую Сибирь, превратили его в реакционера, и эти же годы выдвинули на арену истории поколения, разбуженные громом пушек на Сенатской площади. - 26 августа 1856 года Александр II подписал манифест о возвращении из Сибири декабристов. Еще тогда, в поэме "Несчастные", Некрасов заговорил о тех, кто десятилетия томился в снегах "Сибири отдаленной". А много лет спустя декабристская тема прочно овладела поэтическим сознанием Некрасова. Этому способствовало его знакомство с Михаилом Сергеевичем Волконским - сыном декабриста Сергея Волконского, ставшего прототипом некрасовского "дедушки" (в поэме того же названия), и Марии Волконской - героини последней из декабристских поэм Некрасова. Поэт не раз охотился с Михаилом Сергеевичем, подробно расспрашивал его о тех людях, которые его теперь особенно интересовали, хотя и замечал, что он обходит политическую сторону дела, а больше рассказывает о частной жизни декабристов в Сибири, где он сам родился и вырос. Михаил Сергеевич показал поэту портрет своего отца, седобородого старика с длинными белыми волосами и умным, ясным взглядом; это о нем сказано у Некрасова: "Дедушка древен годами, но еще бодр и красив". Первую свою поэму о декабристах - "Дедушка" - Некрасов написал в 1870 году. Во время работы Некрасов не расставался с "Записками декабриста" А. Е. Розена, изданными в Лейпциге. Некоторые эпизоды, описанные в этой книге, привлекли его внимание: например, история обширного селения Тарбагатай, основанного в XVIII веке сосланными раскольниками. Комиссар, доставивший их в лесную чащу, позволил им "выбрать место и обстроиться как угодно... - пишет Розен. - Каково же было удивление этого человека, когда посетил их через полтора года и увидел красиво выстроенную деревню, огороды и пашни в таком месте, где за два года был непроходимый лес. Это волшебство было вызвано трудолюбием, но также и деньгами и беглыми" {"Записки декабриста". Лейпциг, 1870, стр. 248.}.

Взяв этот факт, поэт придал ему иную окраску: основной причиной "волшебства" он считал свободу:

Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,

Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел...
... Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад -
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!

Размышления героя поэмы "Дедушка" о тяготах солдатской службы основаны также на материале "Записок". Розен рассказывает о таком случае: однажды некий саперный полковник сказал генералу, что батальон, которым он командует, "славно учится, но когда стоит на месте, то жаль, что приметно дыхание солдат, видно, что они дышат". Старик декабрист Некрасова вспоминает;

Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
"Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье..."
Слышишь ли?.. дышат зачем!

Некрасов ввел в поэму этот эпизод, понимая, что за истекшее время мало что изменилось в солдатской жизни. Несколько лет назад он написал на ту же тему стихотворение "Орина, мать солдатская", и его рассказ о смерти солдата, вернувшегося со службы, был не воспоминанием, а фактом современной действительности.

Декабристская тема не оставляла Некрасова. Через два года он написал "Княгиню Трубецкую" - первую часть поэмы "Русские женщины". Вот какие трудности пришлось ему преодолевать во время работы: "1) цензурное пугало, повелевающее касаться предмета только сторонкою, и 2) крайняя неподатливость русских аристократов на сообщение фактов, хоть бы и для такой цели, как моя, т. е. для прославления" (29 марта 1873 года).

Фактов и в самом деле было мало, а тема второй поэмы требовала еще большей осведомленности. Облик Трубецкой рисовался ему во многом иным, непохожим на тот образ, который возникал в "Записках" Розена. Некрасов ясно представлял себе и отъезд Трубецкой, сопровождаемой отцовским секретарем, и бесконечно долгий зимний путь через занесенные снегом, забытые богом. и людьми пространства, и ту пропасть, которая лежала между одиноким возком, совершающим этот безнадежный путь, и ярко освещенными залами петербургских гостиных...

Непостижимым казалось, как могла решиться на такой шаг избалованная молодая женщина, выросшая в одном из богатейших домов России. Поэт пытался нащупать скрытые мотивы этого поступка, психологически обосновать его. Розен отводил здесь решающую роль доброте, чувству долга, самоотверженной любви к мужу. Но чем больше размышлял Некрасов, тем очевиднее становилось, что всего этого было бы недостаточно, не будь какой-то силы, подчинившей себе все эти чувства. Образ кроткой, безропотно приносящей себя в жертву женщины вытеснялся другим образом. Женщина, о которой он неотступно думал, постепенно облекалась плотью и кровью.

Она была полна решимости, потому что узы, которые связывали ее с сосланным декабристом, были не только семейными узами: она готова была разделить судьбу мужа, считая себя причастной к его делу.

Некрасов первоначально думал назвать поэму о женах декабристов - "Декабристки": название вполне выражало то, что он хотел сказать. Женщины, о которых он писал, были единомышленницами декабристов. Одухотворенный идеей, их подвиг приобретал для него особый смысл. Характер героини определился. За словами Розена Некрасов видел много больше того, что они выражали. Целый мир возникал перед ним, полный красок, мыслей и

чувств, а то, что говорил об этом мире автор "Записок", было лишь пунктиром, обозначающим его границы.

Путешествие Трубецкой в Сибирь стало в поэме поездкой в прошлое - сном о жизни, оставленной позади. Только сном и могло казаться княгине прошлое. В ее настоящем не было места для радостных воспоминаний.

Почти явью было видение Трубецкой - восстание на Сенатской площади. Понимая, что она не могла быть свидетельницей восстания, Некрасов не без колебаний решил ввести его в поэму. Но этого, считал он, требовала логика задуманного образа. Его героиня должна была знать о восстании. И не только знать, но и сочувствовать восставшим. Именно тогда она должна была понять, что Николай I - палач, чтобы потом, услышав от мужа слова: "Не тронешь палача", принять их как должное.

Этот сон стал центром поэмы. От него тянулись нити в прошлое и в будущее. Отношение княгини к восстанию - в этом Некрасов был уверен - определяло ее взгляд на прошлое, меняло оценки. Николай I, с которым Трубецкая когда-то танцевала первую кадрили, теперь в ее воспоминаниях был убийцей, скомандовавшим: "Пли!" Прошлое для княгини перестало существовать само по себе: оно было неразрывно связано с восстанием:

А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадрили
Я танцевала... Та рука
Досель мне руку жжет...

Некрасовская героиня уезжала в Сибирь, понимая все: и то, что произошло, и то, что ждет ее впереди. Она была готова ко всему, ненависть давала ей силу. Иной смысл приобретал теперь и тот затянувшийся на много дней разговор княгини с иркутским губернатором, о котором сообщал Розен. Некрасов знал, что люди, которые были знакомы с Трубецкой, с восхищением вспоминали о ее доброте и кротости. Откуда же ее стоицизм, мужество? Вновь и вновь вчитывался он в слова Розена: "... местное начальство имело повеление употребить все средства, чтобы удержать жен государственных преступников от следования за мужьями. Губернатор представил ей сперва затруднения жизни в таком месте, где находятся до 1 5000 каторжных, где ей придется жить в общих казармах с ними, без прислуги, без малейших удобств. Она этим не устрашилась и объявила свою готовность покориться лишениям, лишь бы ей быть вместе с мужем... Наконец он решил употребить последнее средство, уговаривал, упрашивал и, увидев все доводы и убеждения отринутыми, объявил, что не может иначе отправить ее к мужу, как пешком с партией ссыльных по канату и по этапам. Она спокойно согласилась на это; тогда губернатор заплакал и сказал: "Вы поедете".

Некрасов прямо использовал эти свидетельства бывшего декабриста. Но те же слова у него звучали по-иному. И женщина, решимость которой пытался сломить губернатор, тоже была другой: одна, не колеблясь, соглашалась на все, другая не просто соглашалась, - уверенная в правоте декабристов, она настаивала, требовала, обличала палачей, то есть самого Николая I.

Губернатор

Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой...

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пусть же будет и моя
Не радостней его!

А когда, исчерпав все угрозы, губернатор попытался бросить тень на ее мужа - он, мол, увлекшись "призраком пустым", пренебрег участью и спокойствием жены, Трубецкая с гордостью отвечает;

О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю, к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Вряд ли можно сомневаться, что, рисуя такой характер русской женщины, поэт думал не только о декабристках, но, может быть, еще больше о женщинах-современницах, участницах общественного движения 70-х годов. В июле 1871 года поэма была закончена. Не желая подвергать ее нападкам "цензурного пугала", Некрасов начал сам изымать все, что могло показаться предосудительным. Впоследствии он не раз говорил, что поэма была "испакощена": это было сделано им самим.

Но мог ли вообразить Некрасов, что строгим цензором поэмы станет и его давний знакомый Волконский?

Однажды, встретив Волконского в театре, поэт попросил его прочесть "Княгиню Трубецкую" и сделать замечания. Волконский упорно отказывался, ссылаясь на короткие отношения с семьей Трубецких. "Если впоследствии, - говорил он, - найдутся в поэме места, для семьи неприятные, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мне, Трубецкие могут меня весьма основательно подвергнуть укору". Некрасов настаивал и в конце концов добился успеха.

Прочитав поэму в корректуре, Волконский заметил, что характер Трубецкой кажется ему сильно измененным по сравнению с оригиналом, и просил переработать отдельные места поэмы. Кое в чем Некрасову пришлось пойти на уступки, но он наотрез отказался изъять то место, где, по словам Волконского, княгиня бросала куском грязи в только что покинутое ею высшее петербургское общество. Это место поэт считал психологической кульминацией характера своей героини и дорожил им, находя, что без него образ Трубецкой утратил бы свою цельность.

Волконского беспокоили частности, Некрасов же более всего дорожил общей идеей. Поэтому, посылая Волконскому 7 апреля 1871 года страницы "Отечественных записок" с "Княгиней Трубецкой", он писал, подводя итог затянувшемуся спору: "Еще замечу, что я, к сожалению, поздно узнал, что отца Катерины Ивановны уже не было в живых, когда она уезжала в Сибирь, но эта неверность чисто внешняя, не имеющая важности в подобном произведении. Для меня важно, чтобы не было неверности существенной".

* * *

Иные задачи встали перед Некрасовым, когда он начал работать над второй частью поэмы - "Княгиня Волконская".

Мария Николаевна Волконская вызывала у него совершенно особые чувства. Его восхищал и удивительный характер молодой женщины, и необычные обстоятельства ее отъезда в Сибирь, о которых он слышал от очевидцев, - и то мужество, с каким она вела себя в изгнании, стремясь облегчить участь сосланных декабристов. Некрасову рассказывали, что ее отец, знаменитый генерал Николай Николаевич Раевский, сказал перед смертью о своей дочери: "Voilà la plus admirable femme, qui j'ai, connue" {"Вот самая удивительная женщина, какую я знал"}. Семейство Раевских в глазах поэта было окружено ореолом: он знал о близости Раевских к Пушкину.

Едва начав обдумывать новую поэму, Некрасов случайно узнал, что у М. С. Волконского хранятся записки его матери. Для Некрасова это было неожиданностью, несмотря на давнее знакомство, Волконский никогда о них не упоминал. Понимая, каким бесценным материалом могут оказаться эти записки, поэт отправился к Волконскому. После долгих уговоров тот согласился наконец познакомить с ними Некрасова, но при одном условии - поэт обещал принять все его замечания перед тем, как печатать поэму.

Через несколько дней Волконский начал читать вслух "Записки", переводя их с французского. "В три вечера, - рассказывал он впоследствии, - чтение было закончено. Вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и со словами: "Довольно, не могу", - бежал к камину, садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребенок". Слушая Волконского, поэт делал заметки карандашом в принесенной им тетради. Редким благородством и чистотой души веяло со страниц рукописи. Фильтр времени очистил их от случайного и преходящего, от обид и пристрастий. В них ощущалось купленное страданием примирение с прошлым и право прощать. За простотой изложения стояла ясность проверенных временем оценок. Несмотря на истекшие годы, Волконская живо передавала свои тогдашние впечатления и чувства, ее непосредственный, немногословный рассказ был насыщен подлинным трагизмом.

"Русские женщины" были задуманы как героическая поэма. Именно в этом ключе удалось выдержать Некрасову ее первую часть - повествование о Трубецкой, где каждый эпизод, показанный крупным планом, и каждая деталь, какой бы мелкой она ни казалась, раскрывали характер декабристки. Он намеренно удалял из поэмы все, что препятствовало героизации образа. Но если в первой части был создан образ, весьма далекий от реального облика Трубецкой, то сейчас художественная задача была иной, в определенном смысле противоположной.

Условия, заключенные с Волконским, во многом оказались кабальными. Приходилось создавать адекватный "Запискам" Волконской их поэтический пересказ. 9 июля 1872 года Некрасов писал Волконскому, что, работая над поэмой, стремится "остаться наивозможно ближе к действительности". Между Некрасовым и его новой поэмой неотступно стоял внутренний цензор, не давая ни на шаг выйти за пределы магического круга, очерченного содержанием "Записок" Волконской.

Сохранив в главных чертах композицию "Записок", необходимо было устранить частности, детали, - "возвысить" тот несколько одомашненный образ, который вставал со страниц воспоминаний. Некрасов решил использовать ту их часть, которая кончалась рассказом о свидании с мужем в Нерчинске. Основой этой части поэт считал перипетии отъезда Волконской в Сибирь. Он и прежде слышал об ее отце и старшем брате Александре, о "заговоре", который организовали они, пытаясь помешать Марии Николаевне уехать к мужу. Посвятив этому "заговору" две из шести глав поэмы, Некрасов стянул к нему все сюжетные и психологические нити. В том удивительном по своей силе сопротивлении, которое оказала молодая и, в сущности, беспомощная женщина сплотившейся против ее решения семье, раскрывалась героическая и нравственная сущность ее характера.

Внимание Некрасова с самого начала привлек рассказ Волконской о ее встречах с Пушкиным. Этот рассказ органически вплетался в воспоминания, связывая пору ее ранней юности с настоящим и с тем, что ждало ее впереди. Так же естествен этот рассказ в передаче Некрасова, однако он гораздо богаче по содержанию.

Образ некрасовского Пушкина был историчен. Чтобы дать представление о настроениях Пушкина после разгрома декабристов, Некрасов ввел в поэму его монолог, обращенный к Волконской. В нем - намеки на отдельные строки "Евгения Онегина", на послание "В Сибирь":

Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты

Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстный!

Критика не раз упрекала Некрасова в тенденциозности последней поэмы. Многие ее места казались натянутыми, недостоверными. Это потому, что был неизвестен источник фактов. Но в подлинных мемуарах, как и в жизни, невероятное и случайное почти не удивляют, в искусстве же они вызывают недоверие. Это не было тайной для Некрасова, но, и предвидя нападки критики, он считал необходимым повторить в поэме все существенное для раскрытия событий и характера героини. Все, что не имело к этому прямого отношения, он обходил, как бы заманчиво и эффектно это ни выглядело. По этому поводу он писал Волконскому: "... например, сцену в шахте я слышал до чтения записок, мне передавали, что работавшие в шахте, пораженные внезапным появлением княгини Волконской, стали на колени, - и я не ввел этого в поэму потому только, что побоялся упрека в мелодраматичности" (22 ноября 1872 года).

Вместе с тем он намеренно воспроизвел сцену свидания Волконской с мужем, сцену, которая впоследствии подвергалась ожесточенным нападкам. В ее правдивость не поверил, в частности, Достоевский:

Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
Он много страдал, и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени, - и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

Между тем в отрывке точно передан рассказ Волконской: "Сергей бросился ко мне; бряцание его цепей поразило меня: я не знала, что он был в кандалах. Суровость этого заточения дала мне понятие о степени его страданий. Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом - его самого".

Понимая значение этой сцены, Некрасов убедил Волконского позволить ему несколько отступить от "Записок" и перенести свидание княгини с мужем из острога (где оно происходило на самом деле) в шахту. Благодаря этому участниками сцены становились ссыльные декабристы. Поэт считал, что поведение княгини здесь психологически обусловлено не только ее отношением к мужу, но ее отношением к декабристскому движению вообще, ее восхищением перед мужеством и бескорыстием его участников.

Декабристская тема неотвязно манила к себе Некрасова. И надо признать, что в XIX веке никто не сделал так много для прославления первых русских революционеров, для привлечения общественного внимания к этим героическим образам, как Некрасов и Герцен (в "Полярной звезде" и других изданиях). Сами они, по сути дела, принадлежат к поколению, разбуженному декабристами. Напечатать свои поэмы Некрасову было трудно. Вторая из них появилась в "Отечественных записках" под заглавием "Княгиня Т****", со многими изъятиями и смягчениями. Кроме того, автор в специальном примечании счел нужным разъяснить, почему он взялся за столь рискованную тему, и подчеркнуть, что его вовсе не интересовала политика. В примечании говорилось: "Знакомясь с историческими материалами, автор постоянно с любовью останавливался на роли, выпавшей тогда на долю женщин и выполненной ими с изумительной твердостью... Самоотвержение, выказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достояние поэзии. Вот причина, побудившая автора приняться за труд, часть которого представляется сейчас публике".

В это же время он взывал к Лазаревскому: "Я побаиваюсь за сцену на площади; но прошло 50 лет!" А в примечании скромно сообщал: "Хотя минуло уже почти полвека со времени

события, однако автор счел за лучшее вовсе не касаться его политической стороны, - да это и не входило в пределы задачи, как увидит читатель".

Читатель же видел, что все это говорится о поэме, в которой впервые дана выразительная картина восстания декабристов. Правда, вместо строки "Сам царь скомандовал: "па-ли!.." - было напечатано: "Раздалось грозное па-ли!..", а в других случаях стояли загадочные точки и многоточия. Но дальновидный автор разъяснил и это: "Точки вместо некоторых стрóf поставлены самим автором, по его личным соображениям".